

Майя Соболева

Марксизм в работе Валентина Волошинова «Марксизм и философия языка»

Maja Soboleva

Marxism in Valentin Voloshinov's "Marxism and the Philosophy of Language"

Майя Соболева (Университет Марбург, вне-плановый профессор; доктор философских наук) sobolme63@gmail.com.

Maja Soboleva (Dr. habil.; Professor, Philipps University of Marburg) sobolme63@gmail.com.

Ключевые слова: марксизм, философия, философия языка, языкознание, Волошинов, Богданов

Key words: marxism, philosophy, philosophy of language, Voloshinov, Bogdanov

УДК: 82.091+821.161.1+7.01

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_63

UDC: 82.091+821.161.1+7.01

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_63

Цель данной статьи состоит в анализе работы В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» на предмет того, какой марксизм данный автор берет в качестве метода для анализа языка. Показано, что дискуссии среди российских марксистов двадцатых годов были продолжением дискуссий между Г.В. Плехановым и В.И. Лениным, с одной стороны, и А.А. Богдановым — с другой. Первые представляли так называемый ортодоксальный марксизм, а их оппонент считал, что марксистское учение подлежит творческому развитию. Основное различие автор статьи видит в том, что «ортодоксы» воспринимали марксизм как завершенную теорию, а их противник — как метод. После анализа основных направлений, по которым Богданов провел модернизацию марксизма, автор исследует марксистский подход, предлагаемый Волошиновым. Показано, что основные идеи Волошинова во многом совпадают с идеями Богданова, а в его «социологической поэтике» марксизм используется как метод для исследования языка в духе последнего. Делается вывод, что источником марксизма, о котором идет речь в работе Волошинова, могут быть идеи Богданова.

The purpose of this article is to analyze the work of V.N. Voloshinov "Marxism and Philosophy of Language" to define which type of Marxism the author takes as a method for analyzing language. Discussions among Russian Marxists of the 1920s continued the discussions between G.V. Plekhanov and V.I. Lenin, on the one hand, and A.A. Bogdanov, on the other. Plekhanov and Lenin represented the so-called "orthodox" Marxism, and their opponent believed that Marxist teaching was subject to creative development. The author of the article sees the main difference in the fact that the "orthodox" perceived Marxism as a complete theory, while their opponent perceived it as a method. After analyzing the main directions along which Bogdanov modernized Marxism, the author examines the Marxist approach proposed by Voloshinov. It is shown that Voloshinov's main ideas largely coincide with the ideas of Bogdanov, and in his "sociological poetics" Marxism is used as a method for studying language in the spirit of the latter. It is concluded that the source of Marxism discussed in Voloshinov's work may be Bogdanov's ideas.

Работа Валентина Николаевича Волошинова (1895—1936) «Марксизм и философия языка», изданная в 1929 году в Ленинграде, уже обращала на себя внимание исследователей. С точки зрения содержания она была открыта в 1970-е годы благодаря переводам на английский и французский языки¹. Множество споров

1 Перевод на английский язык был выполнен Р.О. Якобсоном в 1973 году, а на французский текст перевел в 1977 году М. Ягелло, но вышел он за авторством М. Бахтина, см.: [Voloshinov 1973; Bakhtine 1977].

она вызвала со стороны исследователей творчества М.М. Бахтина: некоторые из них оспаривали авторство Волошина и приписывали работу последнему². Цель данной статьи состоит в анализе этой работы в контексте марксистской философии. Разумеется, и этот аспект, заявленный в названии труда Волошинова, уже был исследован. Патрик Серио приводит обзор небольшой дискуссии по этому поводу, указывая, в частности, на то, что для французской марксистской интеллигенции семидесятых годов прошлого века, периода глубокого кризиса международного марксизма, этот текст был «спасательным кругом, надеждой, что можно было еще чего-то ждать от марксизма, исходящего из Советского Союза» [Серио 2015: 254]. Западные литературоведы, склонные приписывать авторство этой работы Бахтину, напротив, полагали, что марксизм только «идеологическая оболочка», а марксистские «пассажи являются всего лишь простыми вставками, предназначенными для обмана цензуры» [Там же: 255]. Такой же широкий разброс во мнениях, от прочтения текста Волошинова как тоталитарного до глубоко антимарксистского, наблюдается среди российских постсоветских исследователей³ — в советское время эта работа как не соответствующая марксистско-ленинской догматике замалчивалась. Для Патрика Серио не представляет сомнения то, что книга Волошинова своего рода «диалектический синтез» [Там же: 257] марксизма и разного рода лингвистических теорий от В. фон Гумбольдта, К. Фосслера и Ф. Де Соссюра, психоанализа З. Фрейда и социологических учений, включая теорию Н. Бухарина. Серио довольно подробно анализирует этот синтез с немарксистской стороны. Открытым же остается вопрос о том, *какой марксизм положен Волошиновым в основу его работы*. Неясность по этому поводу нередко становится герменевтическим камнем преткновения для исследователей. Так, Мария Бондаренко пишет:

Несмотря на то что автор использует семиологическую и марксистскую терминологию (знак, сигнал, идеология, класс, общество и пр.), он не дает себе труда объяснить по поводу своей позиции. Создается впечатление, что марксистский метод, как и определенный семиологический подход, берутся автором как некие аксиомы, и по этой причине остаются не до конца обоснованными. Между тем отсутствие методологической ясности и нехватка видимой связности ставит немало проблем перед читателями Волошинова и допускает множество интерпретаций [Бондаренко 2007: 38].

Настоящее эссе представляет собой попытку определить, какого марксизма придерживался Волошинов при написании своей работы.

Двадцатые годы под знаменем марксизма

Прежде чем приступить непосредственно к анализу текста Волошинова, имеет смысл напомнить о том, в каком историческом контексте возникло это исследование. Двадцатые годы — это период не только триумфального шествия советской власти, но и период триумфального шествия марксизма. В 1922—

2 Подробный анализ этой дискуссии представлен в: [Алпатов 2005: 9—10].

3 Среди работ российских авторов, анализирующих исследование Волошинова, можно отметить такие, как [Васильев 1995; Махлин 2000; Паньков 1995].

1923 годах уплыли печально известные «философские пароходы», вывезшие в эмиграцию несколько сотен ученых, писателей и деятелей культуры, в значительной степени опустошив интеллектуальное пространство России. Еще действовали творческие группы, общества и кружки, чуждающиеся марксизма, такие как религиозно-философский кружок «Воскресение» А.А. Мейера и К.А. Половцевой, салон пианистки М.В. Юдиной, писательская группа ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), Александро-Невское братство, ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка). Но участие в таких сообществах, как и вообще немарксистское мышление, с начала двадцатых годов стало приравняться к контрреволюционной деятельности⁴. Так, в 1928 году Мейер и большинство членов его кружка, включая М.М. Бахтина, были арестованы, в этом же году впервые арестован и выслан в Нижний Новгород отец Павел Флоренский. Можно привести множество примеров подобного рода, они известны.

Публичные философские дискуссии были полностью перенесены на почву марксизма и ограничены его жесткими рамками. Большую известность в истории философии получили дискуссия о Спинозе (1925—1932), приуроченная соответственно к 250-летию со дня рождения и 300-летию со дня смерти философа, и дискуссия между так называемыми механицистами и диалектиками. По наблюдению Джорджа К. Клайна, в ходе дискуссии о Спинозе явно обозначились четыре группы: одну из них составляли А.М. Деборин, И.К. Луппол, Л.А. Маньковский и др., другую — Л. Аксельрод, Ш. Варьяш, Б.Э. Быховский и др., в своего рода «ортодоксальный центр» выделились М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, к «ревизионистам» относились А.А. Богданов, Н.В. Валентинов, В.М. Шулятиков и др. [Kline 1952: 16—19]. За эти годы вышло девять книг о Спинозе с общим объемом более тысячи страниц, 46 статей с общим объемом более шестисот страниц, 19 разделов в сборниках с общим объемом более четырехсот пятидесяти страниц [Ibid.: 1]. Несмотря на огромное количество публикаций и расхождения в подходах, практически все работы давали материалистическую трактовку учения Спинозы и были главным образом нацелены на обоснование монизма, необходимого для марксистского утверждения единства теории и практики, что также отмечает Клайн [Ibid.: 18]. Дискуссия между «механицистами» и «диалектиками» в конечном итоге сводилась к вопросу о необходимости специальной марксистской философии. «Механицисты» — А.К. Тимирязев, И.И. Скворцов-Степанов, Н.Н. Бухарин и др. — ориентировались на естественные науки и исходили из того, что в век научно-технических революций философия неизбежно утратит свою роль метадисциплины, уступив место конкретным наукам. «Диалектики» — А.М. Деборин, Я.Э. Стэн и др. — напротив, отстаивали необходимость разработки марксистской материалистической диалектики, которая была бы в состоянии дать обоснование и объяснение и природным, и общественным процессам, в частности необходимости классовой борьбы⁵, и тем самым превратиться в универсальную методологию. «Диалектики» одержали верх в данной полемике, а победа была закреплена созданием в 1929 году Института философии Коммунистической академии, который возглавил А.М. Деборин и который разработал впоследствии канон марксистско-ленинской философии.

4 См., например: [Очистим Россию надолго... 2008].

5 Подробно эту дискуссию описал Иегошуа Яхот, см.: [Яхот 1981].

Происходившие в двадцатые годы философские дискуссии можно считать отголоском начавшихся уже в начале двадцатого века дискуссий между разошедшимися позже по политическим мотивам Г.В. Плехановым и В.И. Лениным, с одной стороны, и А.А. Богдановым — с другой. Плеханов, Ленин и их сторонники выдвигали в качестве основополагающих принципов марксизма материализм и диалектику, понимаемую исключительно как борьбу противоположностей, которой они придавали универсальный характер. За ригоризм в отстаивании буквы марксизма их стали называть ортодоксальными марксистами. Богданов, напротив, считал, что «традиция Маркса — Энгельса должна быть дорога нам не как буква, но как дух» [Богданов 1908: 66]. Отрицая «абсолютный марксизм» [Богданов 2010: 220] как набор готовых истин, он выступал за марксизм, понимаемый как «монизм метода» и как критическая теория.

В творческом развитии марксизма Богдановым можно выделить три направления. Во-первых, в теории познания марксизм — это прежде всего «идея социальности познания» [Богданов 2003а: 241], логично предполагающая «отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание вечных истин» [Там же: 217]. Во-вторых, его марксистская социология приняла вид теории общественной организации, основанной на принципах разрабатываемой им теории систем — «тектологии». Одним из следствий его теории было убеждение в «исторической ограниченности» диалектики, которая есть лишь «частный случай организационных процессов, которые могут идти также иными путями» [Богданов 1913: 210]. В-третьих, достижение социализма он видел не на пути истребительной классовой борьбы, а как постепенный процесс общественного развития, в ходе которого формируется пролетариат, в силу своей объективной связи с научно-техническим прогрессом способный выступить как класс-организатор в деле рационального преобразования общества на научной основе в соответствии с познанными им законами природы и общества.

Дискуссии о марксизме велись в рамках партийных школ на Капри и в Болонье⁶, на партийных конференциях и в печати, получив свое завершение в книгах Ленина «Марксизм и эмпириокритицизм» (1909), направленной против Богданова и его единомышленников, и Богданова «Падение великого фетишизма. Вера и наука» (1910), направленной против Плеханова и Ленина. Приверженцы понимания марксизма как метода, допускающего творческое развитие, потерпели историческое поражение не в силу слабости их идей. Это было политическим поражением на фоне радикализации большевизма, сопровождавшегося партийным расколом в 1912 году после Пражской конференции, когда Ленин отказался от поиска компромиссов с другими течениями в РСДРП и пошел на разрыв с ними, и выделением большевиков в отдельную партию РСДРП(б) в 1917 году.

Заметим, что четко обозначившееся еще на заре российского марксизма противостояние между доктринерами, теми, кто понимал марксизм как целостную и завершенную теорию, и методологами, видевшими в марксизме метод научного познания, получило свое продолжение не только в философских дискуссиях двадцатых годов. Оно отразилось также на институционализации марксизма. Так, созданная в 1918 году Социалистическая академия обществен-

6 Одно из первых описаний этих школ дал С. Лившиц, см.: [Лившиц 1929].

ных наук некоторое время была проводником идей Богданова, вошедшего в президиум этого учебного заведения⁷. Ее реорганизация в Коммунистическую академию в 1924 году стала очередным и окончательным теоретическим и политическим поражением последнего. Созданный в 1921 году Институт научной философии, первым директором которого стал знаток Гегеля и будущий переводчик «Феноменологии духа» на русский язык Г.Г. Шпет, был альтернативным проектом. Но этот институт вскоре стал платформой «диалектиков», основывающих свои претензии на место в философии ссылкой на авторитет Г.Ф. Гегеля и Ф. Энгельса, и вошел в 1929 году в состав Института философии Коммунистической академии. Таким насильственным путем противоположности были соединены под эгидой «российско-марксистской церкви» [Богданов 1995: 33].

Двадцатые годы в Стране Советов прошли под знаменем марксизма⁸, который должен был объединить все интеллектуальные силы страны, включая представителей науки. В лингвистике марксистское понимание выкристаллизовалось прежде всего в форме социологического подхода к анализу языка и связанных с языком форм познания и структур общественной жизни. Об этом свидетельствуют такие работы, как «Язык и общество» Р.О. Шор, «Культура языка» Г. Винокура, «Язык как социальное явление» М.Н. Петерсона, «Язык революционной эпохи» А.М. Селищева. Характерны в этом отношении статьи Е.Д. Поливанова «О литературном языке современности», «Революция и литературные языки СССР», «Русский язык сегодняшнего дня» и «За марксистское языкознание», а также статьи Г.К. Данилова «Язык и стиль ораторской речи», «Язык общественного класса» и «К вопросу о марксистской лингвистике». По последней из этих статей, в которой Данилов намечает основные направления лингвистики, такие как «социальная обусловленность и классовая физиономия языка, нормирование языковых процессов и революции в языке» [Данилов 1928: 119], можно судить о типичном для того времени подходе к пониманию ее роли.

Также, как и в марксистской философии, в марксистском языкознании были свои «ортодоксы» и свои «методологи». К первым можно отнести Н.Я. Марра, выдвинувшего печально знаменитую «яфетическую теорию» в одноименной статье; ко вторым, например, Е.Д. Поливанова. Валентин Волошинов, как можно судить по работе «Марксизм и философия языка», принадлежит скорее к представителям второй группы.

Марксизм в работе «Марксизм и философия языка»

Работа «Марксизм и философия языка» носит вполне апологетический характер. Она построена в соответствии с правилами, которые будут канонизированы в советской академической практике. На фоне критики буржуазных направлений мысли, в данном случае на фоне критики психологизма (Дильтей и др.), «индивидуалистического субъективизма» (фон Гумбольдт, Штейнталь,

7 Об истории Социалистической академии общественных наук см.: [Метель 2017].

8 «Под знаменем марксизма» — советский философский и общественно-экономический журнал, выходивший в Москве с 1922 по 1944 год.

Фосслер и др.) и «абстрактного объективизма» (де Соссюр и др.), формулируется и отстаивается марксистское понимание языка. Цель работы Волошинова — «показать место проблем философии языка в единстве марксистского мирозерцания» [Волошинов 2000а: 351]. Именно «единство», о котором он пишет, представляет собой проблематическое понятие. Моя гипотеза состоит о том, что свою концепцию Волошинов сформулировал под влиянием философии Александра Богданова — прямым или косвенным.

Характеризуя поставленные им задачи как попытку «наметить лишь основное направление подлинно марксистского мышления о языке и те опорные методологические пункты, на которые должно опираться это мышление», Волошинов указывает на то, что его задача «осложнилась особенно тем, что в марксистской литературе нет еще законченного и общепризнанного определения специфической действительности идеологических явлений», что те области, которые не были разработаны основоположниками марксизма, «находятся еще на стадии до-диалектического механистического материализма» [Там же: 350]. Таким образом, он стоит перед той же проблемой, на которую ранее многократно указывал Богданов, развивая на принципах марксизма сначала свою монистическую теорию опыта, эмпириомонизм, а затем свою всеобщую теорию организации, «тектологию», — он столкнулся с проблемой неразработанности категориального аппарата марксистских социальных и гуманитарных наук.

Основатели марксизма, Маркс и Энгельс, как известно, не оставили после себя ни разработанной теории познания в целом, ни философии языка в частности. Вопросы языка лишь коротко затрагиваются Марксом в его работе «К критике политической экономии», где он указывает на социальную обусловленность языковых изменений, и Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в связи с проблемой глоттогенеза. Поэтому стремление разработать марксистское языкознание в стране победившего марксизма вполне понятно. Этой задаче подчинена и работа Волошинова, усмотревшего в марксизме теорию, обладающую большим потенциалом для объяснения языка.

Не будет преувеличением сказать, что суть предложенного им марксистского подхода состоит в утверждении того, что «становящееся бытие» находит свое отражение в идеологии, а всякое «идеологическое преломление» сопровождается «преломлением в слове как обязательным сопутствующим явлением» [Там же: 359]. Это на первый взгляд кажущееся типично марксистским высказывание на самом деле отличается от понимания идеологии в «ортодоксальном» марксизме.

Волошинов использует этот термин не в Марковом значении надстройки, непосредственно зависящей от базиса, то есть от производственных отношений, и выражающей специфические интересы определенного класса, выдаваемые за интересы всего общества через «ложное сознание», в частности через «товарный фетишизм». Он говорит об «идеологическом творчестве» и о различных «областях идеологии», при этом язык выступает у него в качестве одной из форм идеологии. Если у Маркса «идеология» понимается в узком смысле как функция, определяемая системой производственных сил и отношений и завязанная на классовое сознание, а у Ленина приобретает негативное значение как «буржуазная идеология», которая должна быть искоренена рабочим классом, то Волошинов использует слово «идеология»

в более широком и нейтральном смысле, понимая под ней способы отношения к действительности.

Заметим, что среди марксистов понимания «идеологии» как системы идей или культуры вообще придерживался Богданов. Его работа «Наука об общественном сознании», впервые опубликованная в 1914 году и выдержавшая несколько переизданий, была хорошо известна в стране. В ней он исходит из того, что

мало, однако, знать, что идеология произошла от производства, что она от него зависит и является «надстройкой над ним», по выражению Маркса. Надо еще понять, точно и определенно, что она такое на деле, в самой жизни, т.е. выяснить ее практический смысл и значение. Относительно этого до сих пор господствует большая неясность [Богданов 1914: 4].

Пытаясь прояснить функции идеологии, он определяет ее не только как производное от экономического базиса «общественное сознание», но и как активную «организующую форму» общества в целом [Там же: 29, 82]. В этом он отходит не только от Маркса, но и от родоначальника русского марксизма, претендующего на адекватную интерпретацию основоположника, Г.В. Плеханова. Идеология для Богданова не только понятие политики и политической философии, но и понятие теории познания, определяющее общественный подход к пониманию мира и, соответственно, способ бытия общественных групп. Если характер коллективного труда, согласно Богданову, формирует тип общества, то идеология как знаковая, символическая коммуникация составляет само общество, его ядро. Идеология, понимаемая как способ организации общения внутри коллектива, есть способ существования общества как такового. Все области культуры — науку, религию, искусство, обыденный язык — Богданов рассматривает как области идеологии, нацеленные на самосохранение и воспроизводство общественного целого, и видит в них и «материал и условие общественного развития» [Богданов 1906: 82].

Не только новаторским, но и имеющим важные последствия для политической теории является отрицание Богдановым линейной причинной связи между базисом и надстройкой, в отличие от марксистов-ортодоксов. Не отрицая того, что тип идеологии определяется в конечном итоге «трудовой причинностью», он придает идеологии самостоятельный характер, считая, что реорганизация общества не только невозможна без изменения общественного сознания, но что она должна с него начинаться — это основной принцип его теории социализма. Мы не будем углубляться в теорию Богданова и, возвращаясь к работе Волошинова, подчеркнем, что если первый считал необходимым переопределить само понятие идеологии по сравнению с Марксовым и плехановско-ленинским, то последний сетует лишь на то, что не развиты специальные науки об идеологическом творчестве. При этом понятие идеологии, обозначающее целое культуры, по существу совпадающее с богдановским, уже составляет исходный пункт его рассуждений⁹.

В данной связи стоит отметить, что исследователи творчества Волошинова, например Галин Тиханов [Тіханов 1998] и Инна Тылковски [Тылковски

9 В.М. Алпатов также отмечает, что волошинское понятие «идеология» шире обычно применяемого в марксизме [Алпатов 2000; 2005].

2011: 26], уже указывали на социологию как один из факторов, под влиянием которого сложилась его концепция языка. В этой связи обычно упоминается работа Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии», впервые изданная в 1921 году и переизданная до 1929 года восемь раз. Однако, во-первых, следует иметь в виду, что Бухарин сам долгое время находился под сильным влиянием организационных идей Богданова, хотя и полемизировал с ним¹⁰. Во-вторых, критикуя последнего за психологизм в объяснении общества и пытаясь усилить материалистический элемент в аргументации, он старался привести понятие об идеологии в соответствие с Марксовой идеей вторичности надстройки. Под идеологией Бухарин понимает «систему мыслей, чувств, образов, норм и т.д.», а надстройка включает в себя как более широкое понятие не только идеологию, но и «технику данной надстройки», то есть орудия труда, и социальные «отношения между людьми» [Бухарин 1918]. Борясь с «психологизмом» Богданова, Бухарин впадает в другую крайность: общественное развитие представит у него как «движение материальной формы» и как «диалектика материального становления», основу которого составляет «непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т.д.» [Там же]. Сущность общественных отношений он видит в «трудоустройстве людей (рассматриваемых как “живые машины”) в пространстве и времени» [Там же]. Это дало повод для того, чтобы считать его теорию «механицистской». Заметим кстати, что Волошинов во введении к своей книге, написанной в период полемики с «механицистами», критически отзываясь о додиалектическом механицистском материализме.

Еще одним фактором, позволяющим предположить влияние Богданова на Волошинова, является антипсихологизм последнего. Бухарин, интерпретируя эмпириомонизм как психологизм, глубоко ошибался. Во всех своих работах, обобщенных как теория «эмпириомонизма», Богданов строго отличает «психическое» от «физического», следуя по стопам австрийских «эмпириокритиков» Э. Маха и Р. Авенауриса. Под психическим он понимает «непосредственную форму связи элементов в комплексы» [Богданов 2003а: 122]. Для того чтобы превратиться в познание, элементарные психические связи должны быть преобразованы в «физическое», то есть приобрести непрерывность, необходимость и тем самым общезначимость. Для Богданова физическое — «это объективно-закономерная связь опыта» [Там же]. Причем опыт выражает не индивидуальную, а социальную организацию элементов. Психическое лишь «низшая форма связи» в опыте индивидуума [Там же: 124], а физический мир — это продукт «организации коллективного опыта» [Там же: 118]. Причем соответствующая «идеология» формирует индивидуально психическое в некое представление о мире или «миропонимание» [Богданов 2003б: 38]. Богданов определяет коллективный опыт как «общение людей» посредством «высказываний» [Там же].

10 Заметим, что еще Ленин критиковал Бухарина за то, что тот находился под влиянием Богданова. Так, в «Замечаниях на книгу Н.И. Бухарина “Экономика переходного периода”» он упрекает последнего в подверженности «богдановской Begriffsschlastik» [Ленин 1929: 363], в использовании «богдановской терминологии» [Там же: 385], в «испорченности эклектизмом Богданова» [Там же: 400–401].

Развитие общественного познания он представляет как последовательно сменяющиеся друг друга системы социально организованного опыта.

В концепции Волошинова понятия организации и общения также являются ключевыми. Так, в написанном примерно в это же время критическом очерке по фрейдизму он утверждает, что

необходимо, чтобы два индивида были социально организованы, — составляли коллектив: лишь тогда между ними может образоваться знаковая среда. Индивидуальное сознание не только не может здесь ничего объяснить, но, наоборот, оно само нуждается в объяснении из социальной идеологической среды [Волошинов 2000б: 156].

Это практически парафраз идей Богданова.

Представления о знаковом характере идеологии также были привнесены в российский марксизм Богдановым. Тогда как тема семиотики в марксизме плехановско-ленинского образца была редуцирована к положению о непосредственном отражении сознанием действительности и закрыта еще в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», Богданов развил свою теорию знака в форме оригинального учения о «подстановке». Он характеризует всю систему социального опыта — область идеологии — как «среду высказываний» [Богданов 2003а: 20] и одновременно как «соотношение человеческой активности с природою» [Богданов 1913: 175], как сферу действия. Опыт предстает здесь как «социально-активное мироотношение» [Там же: 227], как преломленное сквозь призму социального отражение мира. «Отражение» понимается Богдановым как усложняющийся, ступенчатый процесс «подстановки» [Богданов 2003а: 128, 337] одних «комплексов» представлений под другие или, иными словами, как последовательное развитие коллективного опыта и построение теоретической картины мира на базе неких первичных предложений, принимаемых на определенной ступени общественного развития в качестве норматива. Причем весь коллективный мировоззренческий и научный опыт систематически и исторически организован посредством такой «подстановки». Таким образом, действительность, согласно Богданову, — это результат коллективной практики как единства трудового взаимодействия и коммуникации, эксплицированной в знаковой форме. Доказательству и пропаганде идей о знаковом характере социальной деятельности и социального опыта, включая идеологию, посвящены многочисленные, часто многократно переизданные в начале XX века и поэтому хорошо известные широкому кругу читателей работы Богданова, такие как «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1898), «Познание с исторической точки зрения» (1901), «Эмпириомонизм» (1904—1906), «Тектология, или Организационная наука» (1912), «Философия живого опыта» (1913) и «Из психологии общества» (1914).

В предлагаемом Волошиновым марксистском подходе к языку проблема знака является центральной и имеет множество аспектов. Важнейшая тема, составляющая основу его марксистского взгляда на язык, — соотношение знака и идеологии, понимаемой как область общественной коммуникации. Эту тему Волошинов раскрывает, исследуя отношения «знак и психическое», «знак и жанр», «знак и социальные роли» и т.д. При этом свою задачу, которая выходит за пределы лингвистики в область философии, Волошинов видит в том, чтобы всем возможным разделам семиотики, каждый из которых имеет свой теоретический и исторический источник, дать марксистское обоснование.

Идеи Волошинова о знаковом характере всех идеологических явлений перекликаются с богдановскими. Фундамент их образует представление, что «где нет знака, там нет и идеологии» [Волошинов 2000а: 353]. Для демонстрации коммуникативного генезиса идеологии он использует понятие «цепи», одно из основных в богдановской теории организации: «Эта идеологическая цепь протягивается между индивидуальными сознаниями, соединяя их» [Там же: 355]. Его постулаты о знаковой системе как способе структурирования социального взаимодействия и о социально-символическом характере действительности также соответствуют богдановским представлениям. Например, согласно Волошинову, «действительность идеологический явлений — объективная действительность социальных знаков. Законы этой действительности суть законы знакового общения, определяемые непосредственно всею совокупностью социально-экономических законов» [Там же: 357]. Уже в этом коротком отрывке связь между общественными условиями жизни и представлениями о действительности устанавливается за счет опосредования коммуникативными процессами. Знак выступает у Волошинова основой символического моделирования мира, которая заключается в подстановке одного предмета или явления вместо другого. Так, он пишет, что «все идеологическое обладает *значением*: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т.е. является знаком» [Там же: 353].

На основе анализа работы Волошинова в целом разрабатываемый им марксистский метод в языкознании предстает как «социологическая поэтика»¹¹. Этот подход типичен для марксистского понимания языка вообще, но отличает его то, что фундамент этой поэтики составляет понятиая в богдановском смысле идеология. Например, в одной из своих первых работ Богданов защищает свой тезис о том, что «слово есть момент организующий для совокупности индивидуальных психических форм, момент социальный» [Богданов 1901: 131]. В своем *opus magnum*, в «Тектологии», характеризуя «народную тектологию», он повторяет, что «общее ядро языка» составляет «необходимая связь социальных групп и классов, условие их достаточного взаимного понимания при их практическом общении» [Богданов 2003б: 46]. Волошинов уже в статье «Слово в жизни и слово в поэзии», своего рода публичной апробации своих марксистских тезисов, формулирует свое ключевое положение о том, что «идеологические образования внутренне, имманентно социологичны» [Волошинов 2000в: 74]. В свою очередь, идеологические отношения выражают сущность языка, поскольку «социальные определения» не приходят к языку извне, как к телам природы, напротив «законы языкового становления суть социологические законы» [Волошинов 2000а: 433]. В книге «Марксизм и философия языка» он приходит к выводу о том, что «знак творится между индивидами, в социальной среде, поэтому необходимо, чтобы и предмет приобрел межиндивидуальное значение, лишь тогда он может стать объектом знакового оформления. Другими словами, *только то может войти в мир идеологии, оформиться и упрочиться в нем, что приобрело общественную ценность*» [Там же: 365].

Здесь существенны три момента: не только то, что в основе языка лежат отношения между людьми, но и то, что слово само является отношением. Язык, делает вывод Волошинов, «есть непрерывный процесс становления, осу-

11 Это определение впервые встречается в статье Волошинова «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926).

ществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих» [Там же: 433]. Именно таким образом, по мысли Волошинова, в знаке проступает его материалистическая природа. Марксистский материализм знака предполагает, следовательно, что знак вырабатывается в ходе совместной деятельности людей. Приобретая относительно независимое существование, знак продолжает указывать на свое социальное происхождение. В духе марксистского активизма Волошинов закрепляет за знаком не только функцию трансляции общественного опыта, но функцию изменения общества. При этом «творчество языка не может быть понято в отрыве от наполняющих его идеологических смыслов и ценностей» [Там же]. И наконец, он отказывается от простого пассивного отражения языком действительности, в отличие от марксистов-ортодоксов, утверждая его творческий характер.

Марксизм и марксизм

Текстологический анализ явно свидетельствует о знакомстве Волошинова с теорией Богданова. Это знакомство могло быть прямым, поскольку последний активно печатался и работы его были доступны. Оно могло быть также непрямым, поскольку богдановские идеи, благодаря и их сторонникам, и их противникам, широко дискутировались и составляли общий background российского марксизма до тридцатых годов двадцатого века. В этой связи следует отметить, что текст «Марксизм и философия языка» Волошинов написал, будучи аспирантом Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук в Ленинграде по специальности «Методология литературы»¹². В то время система диссертаций была отменена, но аспиранты должны были отчитываться выполненными в определенный срок работами. Его руководителем был литературовед Василий Алексеевич Десницкий [Смирнов 2007], в прошлом член ЦК РСДРП, к тому времени из-за идейных разногласий с Лениным, как и Богданов, вышедший из партии, но, как и последний, оставшийся марксистом.

Десницкий был хорошо знаком с идеями Богданова, с которым его связывало многолетнее соратничество. В 1909 году вместе с А.А. Богдановым, А.М. Горьким и А.В. Луначарским он участвовал в организации партийной школы на Капри. В 1917—1918 годах Богданов и Десницкий активно сотрудничали в газете «Новая жизнь», редактором которой был их общий друг Горький. Как писал академик В.М. Жирмунский, «марксизм пришел к ленинградским историкам литературы в первую очередь через В.П. Десницкого»¹³. Вполне вероятно, что и Волошинов своим марксистским подходом к анализу языка обязан ему, а через него и Богданову.

Предлагаемый Волошиновым подход претендует на монизм, за который боролся весь марксизм начала двадцатого века. Если его интерпретировать в духе плехановско-ленинского доктринерства, то он предстает как выработка «вульгарно-марксистского взгляда на язык» [Васильев 1991: 40]¹⁴. Однако Во-

12 См. биографию Волошинова: [Алпатов 2012].

13 Цит. по: [Смирнов 2007: 69].

14 Ср. также: [Васильев 1995: 20].

лошинов не стремится в своей работе к созданию некоей законченной теории. Работа его носит экспериментальный и критический характер, и монизм его скорее методологический. Он напоминает «монизм познавательного метода», отстаиваемый на протяжении десятилетий Богдановым как истинно марксистский принцип, а сущность его сводится к тому, что допущение об intersubъективной, социально обоснованной и знаковой природе языка должно стать отправным пунктом в его анализе. Заметим, что и социология языка, и семиотика с начала тридцатых годов двадцатого века будут объявлены буржуазными науками и надолго исчезнут из теоретического горизонта советского марксизма. Дилемма, должен ли марксизм быть поставлен на службу науке или наука на службу марксизму, которая направляла практически все внутримарксистские дискуссии первой четверти двадцатого века, будет решена в пользу последнего варианта далеко не научными способами.

Библиография / References

- [Алпатов 2000] — *Алпатов В.М.* Кружок М.М. Бахтина и проблемы лингвистики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 11—13.
- [Alpatov V.M. Kruzhok M.M. Bakhtina i problemy lingvistiki // Dialog. Karnaval. Khronotop. 2002. No. 2. P. 11—13.]
- [Алпатов 2005] — *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- [Alpatov V.M. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika. Moscow, 2005.]
- [Алпатов 2012] — *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012.
- [Alpatov V.M. Yazykovedy, vostokovedy, istoriki. Moscow, 2012.]
- [Богданов 1901] — *Богданов А.* Познание с исторической точки зрения. СПб.: Лейферт, 1901.
- [Bogdanov A. Poznanie s istoricheskoy tochki zreniya. Saint Petersburg, 1901]
- [Богданов 1906] — *Богданов А.* Из психологии общества. Статьи 1901—1904 гг. СПб.: Дело, 1906.
- [Bogdanov A. Iz psikhologii obshchestva. Saint Petersburg, 1906.]
- [Богданов 1908] — *Богданов А.* Приключения одной философской школы. СПб.: Знание, 1908.
- [Bogdanov A. Priklyucheniya odnoy filosofskoy shkoly. Saint Petersburg, 1908.]
- [Богданов 1913] — *Богданов А.* Философия живого опыта. Популярные очерки. СПб.: Печатный труд, 1913.
- [Bogdanov A. Filosofiya zhivogo opyta. Saint Petersburg, 1913.]
- [Богданов 1914] — *Богданов А.* Наука об общественном сознании. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914.
- [Bogdanov A. Nauka ob obshchestvennom soznanii. Moscow, 1914.]
- [Богданов 1995] — *Богданов А.* Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904—1914): В 3 кн. Кн. 3. М.: АИРО-XX, 1995.
- [Bogdanov A. Desyatiletie otlucheniya ot marksizma: In 3 kns. Kn. 3. Moscow, 1995.]
- [Богданов 2003а] — *Богданов А.* Эмпириомонизм. М.: Республика, 2003.
- [Bogdanov A. Empiriomonizm. Moscow, 2003.]
- [Богданов 2003б] — *Богданов А.* Тектология. М.: Финансы, 2003.
- [Bogdanov A. Tektologiya. Moscow, 2003.]
- [Богданов 2010] — *Богданов А.* Падение великого фетишизма: Современный кризис идеологии. М.: Красанд, 2010.
- [Bogdanov A. Padenie velikogo fetishizma. Moscow, 2010.]
- [Бондаренко 2007] — *Бондаренко М.А.* Марксизм & семиология в лингвистической мысли России 1920—30-х и Франции 1960—70-х гг.: методологические проблемы изучения // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Пятых Андреевских чтений / Ред. Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко и Н.Т. Пахсарьян. М.: Экон-информ, 2007. С. 37—47.
- [Bondarenko M.A. Marksizm & semiologiya v lingvisticheskoy mysli Rossii 1920—30-kh i Frantsii

- 1960—70-х гг.: metodologicheskie problemy izucheniya // Literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya. Materialy Pyatykh Andreevskikh chteniy / Ed. by N.N. Andreeva, N.A. Litvinenko, N.T. Pakhsar'yan. Moscow, 2007. P. 37—47.)
- [Бухарин 1918] — *Бухарин Н.* К постановке проблем теории исторического материализма (беглые заметки). 1918 (<https://clck.ru/39t2Np> (дата обращения: 18.02.2024)).
- (*Bukharin N.* K postanovke problem teorii istoricheskogo materializma. 1918 (<https://clck.ru/39t2Np> (accessed: 18.02.2024)).)
- [Васильев 1991] — *Васильев Н.Л.* М.М. Бахтин или В.Н. Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М. Бахтину) // Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 38—43.
- (*Vasil'ev N.L.* M.M. Bakhtin ili V.N. Voloshinov? (K voprosu ob avtorstve knig i statey, pripisyvaemykh M.M. Bakhtinu) // Literaturnoe obozrenie. 1991. No. 9. P. 38—43.)
- [Васильев 1995] — *Васильев Н.Л.* В.Н. Волошинов: Биографический очерк // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: ASTA-Press, 1995.
- (*Vasil'ev N.L.* V.N. Voloshinov: Biograficheskiy ocherk. Saint Petersburg, 1995.)
- [Волошинов 2000а] — *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка // М.М. Бахтин: Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 349—486.
- (*Voloshinov V.N.* Marksizm i filosofiya yazyka // M.M. Bakhtin: Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Moscow, 2000. P. 349—486.)
- [Волошинов 2000б] — *Волошинов В.Н.* Фрейдизм. Критический очерк // М.М. Бахтин: Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 95—194.
- (*Voloshinov V.N.* Freydzizm. Kriticheskiy ocherk // M.M. Bakhtin: Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Moscow, 2000. P. 95—194.)
- [Волошинов 2000в] — *Волошинов В.Н.* Слово в жизни и слово в поэзии // М.М. Бахтин: Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 72—94.
- (*Voloshinov V.N.* Slovo v zhizni i slovo v poezii // M.M. Bakhtin: Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Moscow, 2000. P. 72—94.)
- [Данилов 1928] — *Данилов Г.К.* К вопросу о марксистской лингвистике // Литература и марксизм. 1928. № 6. С. 115—137.
- (*Danilov G.K.* K voprosu o marksistskoy lingvistike // Literatura i marksizm. 1928. No. 6. P. 115—137.)
- [Ленин 1929] — *Ленин В.И.* Замечания на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник — XI. М.; Л.: Печатный двор, 1929. С. 345—403.
- (*Lenin V.I.* Zamechaniya na knigu N.I. Bukharina "Ekonomika perekhodnogo perioda" // Leninskiy sbornik — XI. Moscow; Leningrad, 1929. P. 345—403.)
- [Лившиц 1929] — *Лившиц С.* Партийные университеты подполья (Капри, 1909 г. Болонья, 1910—1911 гг. Лонжюмо, 1911 г.) М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929.
- (*Livshits S.* Partiyne universitety podpol'ya. Moscow, 1929.)
- [Махлин 2000] — *Махлин В.Л.* Комментарии // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 590—601.
- (*Makhlin V.L.* Kommentarii // Bakhtin M.M. Freydzizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Moscow, 2000. P. 590—601.)
- [Метель 2017] — *Метель О.В.* Социалистическая академия общественных наук: очерк истории 1918—1919 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1 (13). С. 184—191.
- (*Metel' O.V.* Sotsialisticheskaya akademiya obshchestvennykh nauk: ocherk istorii 1918—1919 gg. // Vestnik Omskogo universiteta. 2017. No. 1 (13). P. 184—191.)
- [Очистим Россию надолго... 2008] — «Очистим Россию надолго». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г.: Документы / Сост. А.Н. Артизов и др. М.: МФД Материк, 2008.
- (“Ochistim Rossiyu nadolgo”. Repressii protiv inakomyslyashchikh. Konets 1921 — nachalo 1923 g.: Dokumenty. Moscow, 2008.)
- [Паньков 1995] — *Паньков Н.А.* Мифологема Волошинова: несколько замечаний как бы на полях архивных материалов // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 2. С. 66—69.
- (*Pan'kov N.A.* Mifologema Voloshinova: neskol'ko zamechaniy kak by na polyakh arkhivnykh materialov // Dialog. Karnaval. Khronotop. 1995. No. 2. P. 66—69.)
- [Серно 2015] — *Серно П.* Волошинов, философия языка и марксизм // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 254—263.

- (*Serio P. Voloshinov, filosofiya yazyka i marksizm // Politicheskaya lingvistika. 2015. No. 2 (52). P. 254—263.*)
- [Смирнов 2007] — *Смирнов С.Б. Судьба петербургского интеллигента. Первый проректор третьего педагогического института в Петрограде Василий Алексеевич Десницкий // Вестник Герценовского университета. 2007. № 1. С. 65—77.*
- (*Smirnov S.B. Sud'ba peterburgskogo intelligenta. Pervyy prorektor tret'ego pedagogicheskogo instituta v Petrograde Vasiliy Alekseevich Desnitskiy // Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2007. No. 1. P. 65—77.*)
- [Тылковски 2011] — *Тылковски И. Русские источники социологического подхода Валентина Волошинова // The XIV Bakhtin Conference. July 4—8. 2011. University of Bologna, 2011. P. 26.*
- (*Tylkovski I. Russkie istochniki sotsiologicheskogo podkhoda Valentina Voloshinova // The XIV Bakhtin Conference. July 4—8. 2011. University of Bologna, 2011. P. 26.*)
- [Яхот 1981] — *Яхот И. Подавление философии в СССР (20—30 годы). New York: Chalidze Publications, 1981.*
- (*Yakhot I. Podavlenie filosofii v SSSR (20—30 gody). New York, 1981.*)
- [Bakhtine 1977] — *Bakhtine M. Le marxisme et la philosophie du langage. Essai d'application de la méthode sociologique en linguistique. Paris: Editions de Minuit, 1977.*
- [Kline 1952] — *Kline G.L. Spinoza in Soviet Philosophy. London: Routledge & Kegan Paul, 1952.*
- [Tihanov 1998] — *Tihanov G. Voloshinov, Ideology and Language: The Birth of Marxist Sociology from the Spirit of Lebensphilosophie // The South Atlantic Quarterly. 1998. Vol. 97. No. 3/4. P. 599—621.*
- [Voloshinov 1973] — *Voloshinov V. Marxism and the Philosophy of Language. New York; London: Seminar Press, 1973.*